

«ВСЕГДА УЧУСЬ У ЧЕХОВА»

В гостях у нобелевского лауреата

В третий раз за последние несколько лет Нобелевская премия по литературе отправляется в Африку. После нигерийца Воле Шойинки (1986) и египтянина Нагиба Махфуза (1988) обладательницей этой престижной награды в прошлом году стала южноафриканская писательница Надин Гордимер.

ПРОСТОРНЫЙ двухэтажный особняк в Парктауне — северном предместье Йоханнесбурга. Тишина в доме и окружающем его аккуратном английском садике, солидность даже в движениях породистого старого пса. Стены заставлены книгами, обвешаны экзотическими для европейца произведениями африканского народного творчества. В большом камине осыпают уголи...

Таков почти театральный фон, на котором появляется Надин Гордимер — маленькая, не по годам активная женщина, сразу наполняя окружающее пространство бойцовой энергией.

О чем бы мы ни говорили, госпожа Гордимер неизменно сводила разговор к самому главному для себя — правам человека, положению своих чернокожих соотечественников. Тем самым как бы подтверждая укрепившийся за ней авторитет «беспокойной социальной совести Южной Африки».

А все началось...

— С России! Да-да, сама я — стопроцентная южноафриканка, а отец мой — выходец из России. В начале века 13-летним мальчиком он уехал из Риги и после долгих мытарств прибыл в Южную Африку. В России остались его родители, родные. Мать, ослепшая во время одного из еврейских погромов, братья, сестры.

Совсем недавно я совершенно случайно нашла на Украине двух родственниц. Одной из них, учительнице, попала в библиотеке моя книга, и она позвонила создателю фамилии. Написала в издательство, те переслали письмо мне. Другая обнаружилась уже после присуждения мне Нобелевской премии. Оказалось, моя двоюродная сестра. Всю жизнь прожила в Крыму, а недавно переехала в США.

Отец говорил по-русски, часто вспоминал покинутые места. В молодости я не придавала этому значения. А теперь очень интересуюсь своими корнями.

— Вас интересует то, что происходит сегодня в бывшем Советском Союзе?

— Необыкновенно! У меня смешанные чувства. Знаете, недавно я была в Америке и видела, как там потирают руки и аплодируют концу коммунизма. Нечто подобное переживают и белые в ЮАР. Но многие из моих чернокожих коллег и друзей в смятении. И это нужно понимать. В самые мрачные времена апартеида и жесточайшей расовой дискриминации простейшая коммунистическая риторика казалась многим единственной правдой. Они верили ей как Библии, как верят в потустороннюю райскую жизнь. Вера приводила к обожествлению сталинского режима, преклонению перед всем советским.

Надо еще учитывать географическое положение моей страны. Это ведь край света. Большинство чернокожих африканцев не видели ничего, кроме своей тяжелой жизни, не с чем было сравнивать. Поэтому незатейливая большевистская пропаганда действовала почти безотказно.

— Итак, вы не разделяете восторга американцев по поводу конца советской тоталитарной системы?

— Нет. Но меня очень тревожит сегодняшняя ваша ситуация. Угроза голода, неустроенность — плохие советчики. Голодных легко возбудить. Политики могут воспользоваться этим в своих корыстных интересах. Южноафриканская ситуация в этом смысле в какой-то мере схожа с вашей.

— Вы имеете в виду вспышки насилия в черных пригородах?

— Да. Я выросла в рудничном поселке. Большинство шахтеров были чернокожие африканцы. Даже не могу описать, в каких ужасных условиях они жили. Хуже собак. Они принадлежали к разным африканским народностям, к разным племенам, но между ними никогда не возникало никаких стычек на национальной или этнической почве. И вот теперь разгорелась вражда между представителями народностей коса и зулу. Погибло уже несколько тысяч человек. Самое ужасное, что кровь льется из-за чьих-то амбиций.

На днях я говорила об этом с Нельсоном Манделой, и он в очередной раз привел аргумент, который трудно опровергнуть: у правительства есть армия, полиция, оружие. Почему оно не прекратит все это насилие?

— Правительство утверждает, что оно предпринимает все возможные меры.

— Это не так. Среди белого населения немало консервативно настроенных людей крайне правого толка. Правительство, по-видимому, не разделяет их взглядов, но вынуждено считаться с ними, чтобы не потерять голоса избирателей. Эти консерваторы очень сильны в армии и полиции. Они потакают насилию.

— На склоне лет вы вступили в Африканский национальный конгресс. Считаете, что программа АНК более других отвечает интересам народов ЮАР?

— Да, я верю в это. Хотя и не разделяю всего того, что говорится от имени АНК.

— Вы имеете в виду коммунистов и профсоюзных деятелей?

— Союз АНК с коммунистами легко объясним. Именно СССР, ГДР, Куба и другие соответственно настроенные силы поддерживали АНК на протяжении десятилетий, когда Запад оставался безучастным к борьбе чернокожих африканцев. Агрессивность профсоюзных лидеров тоже понятна. Чернокожие рабочие по-прежнему получают мало и живут плохо, у них, очевидно, есть причины для возмущения.

АНК должен учитывать в своей программе все эти крайние точки зрения. И тем не менее это движение остается активным приверженцем демократии. В какой-то степени оно даже поддерживает баланс между максимализмом профсоюзов и нуждами рыночной экономики.

— Как, по-вашему, изменится жизнь в вашей стране после принятия демократической конституции, после того как белые и черные граждане станут равны в правах?

— Белые были необыкновенно привилегированы. Они могли все, что хотели. Черные не могли ничего или почти ничего. Я росла в бедной семье, и у нас не было книг. А я пристрастилась к чтению и стала ходить в нашу поселковую библиотеку. Если бы

не эта маленькая библиотека, я бы, наверное, никогда не стала писателем. Но будь я черным ребенком, дорога туда была бы для меня закрыта. Я против привилегий для меньшинств.

— Мы все время говорим о политике, но ведь шведская Академия присудила вам премию за писательское мастерство. Поделитесь секретами.

— Ах, если бы они были! Надо читать. Только так можно научиться нашему ремеслу. Если вы не умеете читать, незачем стучаться в серьезную литературу. Вот американцы очень любят всякие школы и в том числе школы литературного мастерства. Чуть! Учиться нужно у хорошего писателя. Откройте Чехова и учитесь. Я всю жизнь его читаю. В разных переводах, в разном настроении. Моими учителями были Рильке, Вирджиния Вульф, Марсель Пруст. Очень люблю Джеймса Джойса.

Начинается, как и у всех, с подражания. Потом, если у вас есть что сказать, сквозь имитацию начинает проступать ваше «я».

— Вы всемирно известный писатель, лауреат многочисленных престижных литературных премий, почетный доктор полдюжины университетов США и Европы...

— Я профессию писателя выбрала себе потому, что это было единственное занятие, которое доставляло мне удовольствие. А что касается наград и премий, то ни одна из них не поможет написать ни одной хорошей строки. Вот сейчас, например, я ничего не пишу. Только публицистику. За литературу возьмусь, когда стихнет «нобелевский шум», когда я сама забуду об этой премии.

— Вместе с психологической и эстетической задачей вы ставите в своих произведениях конкретные политические цели. Как удаётся такое сочетание?

— Я не политик и не проповедник. Политика возникает в моих книгах сама собой, потому что я пишу о Южной Африке. Обычно я выбираю самую частную человеческую судьбу. Но, влеченные в окружающую среду, они неизбежно включаются в политический процесс.

— В вашей стране наступают лучшие времена. Апартеид уходит в прошлое...

— Апартеид еще не ушел в историю. Отменены законы, на которые он опирался. И понадобится немало времени, чтобы очистить от него нашу действительность.

Писатель призван способствовать духовному возрождению нации. Разве это дело, что в репертуаре оперного театра Претории — одна лишь европейская классика? А в оркестре — ни одного чернокожего музыканта. И это в Африке, где люди необычайно способны к музыке!

Для меня очень важно, чтобы деньги, которые будут экономлены на вооружении, пошли на борьбу с неграмотностью, болезнями, чтобы они помогли поднять нашу культуру. А это уже долг писателя. Я же не люблю оставаться в долгу.

З. НАЛАНДАН,
спец. корр. «Труда»
ЙОХАННЕСБУРГ — КАИР.